

№5

2017

С В Е Т С Ц

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ
КАДУЙСКОГО
МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА

КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ
Череповецкого уезда
Новгородской губернии
(конец XIX – начало XX вв.)

**РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ:**

М.В. Кус,
*председатель комитета
по делам культуры
и спорта Кадуйского
муниципального района*

С.Н. Леушева,
*директор МУ
«Телерадиокомпания
«Кадуй»*

П.В. Бекаревич,
*директор МБУК
«Кадуйский районный центр
народной традиционной
культуры и ремесел»*

А.Ф. Каданцев,
*научный сотрудник МБУК
«Кадуйский районный центр
народной традиционной
культуры и ремесел»,
Заслуженный работник
культуры РФ*

Г.В. Загребин,
*научный сотрудник МКУК
«Кадуйский районный
краеведческий музей
им. А.Г. Юкова»*

А.К. Тюхтина,
*библиограф МКУК
«Централизованная
библиотечная система
Кадуйского муниципального
района»*

А.А. Дудкин,
*член Союза
российских писателей*

**ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ
КАДУЙСКОГО
МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА**

СВЕТЕЦ

**№5
2017**

- **Родовой строй**
- **Воспитание крестьянских детей**
- **Деревенское застолье**
- **Выдел и раздел крестьянских семей**

**Журнал издан при финансовой поддержке
Департамента внутренней политики
Правительства Вологодской области**

На первой странице обложки:

*- графика преподавателя Кадуйской ДШИ О.Ю. Лукичевой
- реконструкция обряда «дожинки» – обед на поле, из архивов
МБУК «ЦНТКиР»*

*В журнале использованы фотографии из издания: Русские
крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы / Материалы Этнографиче-
ского бюро князя В.Н.Тенишева. Том 7, Часть 2-3. Новгород-
ская губ., Череповецкий уезд. СПб, 2009.*

*На цветной вкладке приводятся фото из экспедиционного
и рабочего фондов МБУК «ЦНТКиР»: крестьянские семьи
Кадуйского р-на и реконструкция обряда Великого Четверга.
Цитаты иностранных авторов взяты из книги: Россия это
сама жизнь: Свидетельства иностранных путешественни-
ков, дипломатов, политиков, мыслителей о нашей Родине /
Автор-составитель Р.Балакишин. М., 1999.*

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ

Современная семья возникает на заре цивилизации и последние 10 000 лет является фундаментом – основой общества. Но свои истоки она имеет в родовом строе, возникшем вместе с человечеством более 50 000 лет назад. Чем древнее социальный институт – тем более он инерционен и устойчив – не подвержен радикальным изменениям.

Мы в нашем журнале не собираемся углубляться в седую древность. Рассмотрим традиции, обычаи и нравы крестьянской семьи Череповецкого уезда начала XX века. Автор – составитель журнала: научный сотрудник муниципального бюджет-

ного учреждения культуры «Кадуйский районный центр народной традиционной культуры и ремесел» [Далее везде по тексту сокр.: МБУК «ЦНТКиР»] Анатолий Федорович Каданцев использовал два источника.

Во-первых:

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы / Материалы Этнографического бюро князя В.Н.Тенишева. Том 7, Часть 2. Новгородская губ., Череповецкий у. СПб, 2009.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы / Материалы Этнографического бюро князя В.Н.Тенишева. Том 7, Часть 3. Новгородская губ., Череповецкий у. СПб, 2009.

Материалы Этнографи-

ческого бюро кн. В.Н.Тенишева [далее везде по тексту используется данное сокращение] издаются впервые малым тиражом и до сих пор остаются малодоступными. В нашем журнале приводятся материалы трех корреспондентов Этнографического бюро кн. В.Н.Тенишева: Василия Антиповича Антипова, Аверьяна Никитича Власова, Александра Григорьевича Власова. К сожалению, о самих корреспондентах издание не предоставляет информации.

Во-вторых:

Экспедиционные фонды МБУК «ЦНТКиР», 1994-2000 гг.

Комплексная фольклорно-этнографическая экспедиция МБУК «ЦНТКиР» работает и сейчас. В разное время в ней принимали участие этнографы и фольклористы из Москвы, Санкт-Петербурга, Вологды, Череповца. В этом

издании используются материалы, собранные в 1990-е годы в Кадуйском и Череповецком районах Вологодской области. Тогда экспедиции давали информацию крестьяне 1905 – 1920 годов рождения, хорошо помнившие из рассказов бабушек и дедушек, родителей, собственного опыта о жизни в деревне начала – первой половины XX века.

Принцип размещения материала автор – составитель выбрал реферативный. Журнал состоит из статей трех типов.

Статьи автора – «Мой род – моя крепость (Вступление)», «Быт крестьянской семьи», «Заклучение», – оригинальные статьи, основанные на материалах Экспедиционного фонда МБУК «ЦНТКиР»;

Компиляции, составленные из материалов Этнографического бюро кн. В.Н.Тенишева и Экспедиционного фонда

МБУК «ЦНТКиР» – «Родовой строй», «Деревенское застолье», – в данных статьях в квадратных скобках редакция по тексту дает некоторые пояснения по источникам, в конце же статьи приводятся все авторы и постраничные ссылки на издания материалов Этнографического бюро кн. В.Н.Тенишева;

Компиляции, составленные из материалов корреспондентов Этнографического бюро кн. В.Н.Тенишева – «Воспитание в крестьянской семье», «Выдел и раздел крестьянских семей», «Нищенство», – так же в конце статьи приводятся все авторы и постраничные ссылки на издания материалов Этнографического бюро кн. В.Н.Тенишева.

К сожалению, в XXI веке мы наблюдаем размывание семейных традиций. Но, ознакомившись со свидетельствами корреспондентов

Этнографического бюро кн. В.Н.Тенишева, датированные 1899 годом, можно обнаружить, что некоторые негативные тенденции в крестьянских семьях начались еще во второй половине XIX века. Связаны они, скорее всего с либеральными реформами 1860-х годов императора Александра II.

Данное издание не является научно-популярным или историческим исследованием. Я отношу его к публицистике. Эта книга – призыв к общественности обратить внимание на проблему разрушения и профанирования семейных обычаев и традиций. Если эти процессы продолжатся, семья, как социальный институт, исчезнет из будущей истории человечества.

П.В.Бекаревич,

директор
МБУК «ЦНТКиР»,
редактор журнала
«Светец» №5.

Анатолий Федорович Каданцев,
*научный сотрудник МБУК «Кадуйский районный
центр народной традиционной культуры и ремесел»,
Заслуженный работник культуры РФ, руководитель
комплексной фольклорно-этнографической экспеди-
ции по Кадуйскому району:*

МОЙ РОД – МОЯ КРЕПОСТЬ

В этой публикации речь пойдёт о крестьянской семье второй половины XIX века и начала века XX.

Почему мы обращаемся к этой теме? Основная масса

населения России жила тогда в сельской местности, да и издревле мы были всегда страной аграрной, крестьянской. Взятый нами исторический период – это золотой

век отечественной культуры, время развития сельского хозяйства и экономики страны. Это время, когда в сельской местности практически не было разводов – настолько были крепки сила и авторитет крестьянской семьи.

Но семья не жила изолированно от общества. Тысячами незримых нитей она была вплетена в традиции, обряды, обычаи, в духовные скрепы сельской общины.

Для того, чтобы лучше понять все житейские хитросплетения в крестьянских семьях, попытаемся приподнять временную завесу и дать краткую социально-бытовую характеристику нашего края второй половины XIX века.

Поражает своим демократизмом и экономической целесообразностью формирование исполнительной власти в сельской общине и её функционирование. На выборы не тратилось ни ко-

пейки из государственной казны и казны сельской общины. Все должности были выборные, путём прямого голосования на обычных сходах сельской общины. После выборов община строго следила за тем, как человек справляется с возложенными на него должностными обязанностями. Если не справлялся или «заносился» перед людьми, тут же собирался очередной сход, неумеху или зазнайку снимали с должности и выбирали более подходящую кандидатуру.

Из архивных источников известны случаи, когда проворовавшихся старост община снимала с должности и заставляла возместить все убытки, нанесённые общине. И, через суд на воришку накладывался такой денежный штраф, что он вынужден был продать всю живность со двора, всё имущество и, взяв корзину, «идти по миру».

К достоинствам того времени можно отнести и то обстоятельство, что деревенская община была полностью прозрачна: каждый знал обо всех вся и всё, а это давало положительную предсказуемость дальнейших событий. Любой проступок взрослого человека или подростка становился сразу же известен всей деревне, и приводил к неминуемому наказанию.

Помню такой случай из детства:

Деревенская мелюзга, особенно в летнее время, зачастую была предоставлена сама себе, но оказывается, не тут-то было...

На другом конце деревни жила одинокая, злющая старуха, а напротив жил такой же одинокий – колченогий старик. Ну, в общем – «компания». Когда мы с моим другом Колькой шли на рыбалку, эта «компания» всегда была на своём посту: сидела у дома

на скамейке и отпускала в наш адрес всяческие пожелания. Дед орал: «Эй, рыбаки! Х...р вам сегодня не рыба, а одни ерши, хоть до вечера хлещи!» Бабка не отставала от деда: «Да эти рыбаки ерша от щуки отличить не смогут!» Мы, молча, проходили мимо «любезной парочки», но домой приходили пустые.

Взыграло от ярости Колькино сердчишко. Набравшись храбрости, подошёл он к их домам и давай пулять камнями по их воротам, радуясь своей безнаказанности – не догнать старикам быстроногого Кольку. Рано радовался. Подкрались старики сзади, схватили разбойника, наложив полные штаны крапивы, замахнулись палками и отпустили с миром.

Совет держим с Колькой, стратегию разрабатываем... С дальних огородов подкрались к бабкиным грядкам, ужами ускользнули обратно.

Всё – сладки бабкины огурчики! Вечером заорал Колька под ремнём дурным голосом, ну и я подключил свою голову.

Вот такова деревенская прозрачность: предсказуемость проступков и неминуемость наказания. За воспитание детей несли ответственность родители, вся родня и вся сельская община.

Не последнюю роль в поддержке духовно-нравственного климата играло общественное мнение (деревенская молва или «сарафанное радио»), которое многих удерживало от необдуманных поступков.

По зарубежным странам ходит много легенд о повальном пьянстве на Руси. Всякое происходило в нашем царстве – государстве: были пьяные времена, но неоднократно были и крестьянские волнения против царских кабаков. А в Уломском крае (в

который входила и часть современного Кадуйского района) в XIX веке пьянство как явление отсутствовало практически полностью. Никому даже в голову не приходило устроить пьянку в рабочий день. Без серьёзного повода не пили вообще. А какие были поводы в те времена?

Каждая деревня имела 2-3 местнотимых праздника в году, на которые в каждой семье варили пиво от 10 до 50 вёдер, в зависимости от достатка семьи и закупали немного водки для почётных гостей.

За один день праздника крестьянская семья принимала до 100 гостей – чужаков, да ещё в гостях бывало от 10 до 25 родственников, и всех нужно было накормить – напоить, а многих и спать уложить. Да, на праздниках были пьяные, как среди молодёжи, так и среди женатых, но их было мало.

Перед праздником староста с полицейскими брали под арест известных пьяниц и драчунов, садили в «клоповник», держали весь праздник на голодном пайке, а после праздника отпускали.

На праздники старостой назначались «палашники», и если где-то возникала драка, они палками наводили порядок, зачинщиков драки тащили в клоповник. После праздника, попавшиеся драчуны платили штраф, а особо отличившихся драли розгами.

Кроме общедеревенских праздников устраивались «помочи», на которые хозяева готовили обильное угощение с выпивкой – пивом.

Осенью, после уборки льна, во многих домах хозяйки делали «супрядки» [коллективная обработка льна – авт.сост.]. На них приглашались девушки и молодые женщины. В конце рабочего дня хозяйки делали вечеринку с

обильным столом и пивом.

Водкой и пивом угощали гостей на деревенских свадьбах.

Вот примерный перечень событий, на которых деревенский житель мог поднять рюмку, стакан или гусак.

Не было по тем временам и замков на избах. Были задвижки на дверях изнутри помещений, которые использовались перед сном, а многие избы не закрывались совсем. Самым надёжным замком была палочка, которую при выходе из дома прислоняли к двери.

Но были крепкие, большие и надёжные замки на амбарных дверях. Делали их по двум причинам: во-первых, в амбарах хранился практически весь продовольственный запас семьи, а во-вторых, по местной традиции, у многих амбары строились, как и бани, за деревней.

Случаи воровства случа-

лись очень редко, да и занимались этим ремеслом, как правило, пришлые городские воришки. Ремесло смертельно опасное, так как повсеместно был распространён самосуд, при котором применялись очень жестокие и мучительные виды казней.

Я расскажу только о виде казни для воров, который назывался «подкоренить»:

Собиралась (тайно) группа мужиков, брали верёвки, топоры, лопату, лестницу и вели пойманную жертву далеко в лес. Выбрав толстое дерево, при помощи верёвок наклоняли дерево, выдрав корни наполовину. Углубляли образовавшуюся под деревом яму, садили туда связанного по рукам и ногам преступника и возвращали дерево в изначальное положение. Что происходило под деревом – одному Богу известно.

Людская молва быстро делала своё дело и «укорачивала руки»

многим любителям чужого добра, защищала сёла и деревни от непрошенных гостей.

Несколько слов о любовных делах. Случаи супружеской измены были во все времена, не было исключением и наше описываемое время.

Данные поступки не имели каких-либо юридических последствий, но изобретательный народный ум и здесь придумал, как умерить преступную страсть. Любителям «свеженькой клубнички» в деревне было очень даже не просто, и главным препятствием для совершения прелюбодеяния были деревенские сплетни. В наших фольклорно-этнографических экспедициях был зафиксирован имевший большое распространение обряд выявления тайных любовников. Если людская молва установила факт любовной преступной связи, то дело принимало крутой оборот. Несколько молодых людей

ночью выкладывали дорожку из поленьев любовника к воротам любовницы. Иногда эта дорожка прокладывалась через всю деревню, и дров на неё уходило очень много. Конечно, все деревенские жители знали значение этой дорожки.

Утром в домах прелюбоде-ев поднимался скандал! Около дорожки собиралась толпа любопытных, а любовник под улюлюканье, смех и едкие комментарии должен был собирать дрова и укладывать в поленицу. Особо опасным был сбор дров у дома любовницы, потому что кроме сбора дров он должен был зорко следить за тем, чтобы муж – рогоносец в ярости не произвёл нападение. Одним словом – «камедь», но очень действенная.

Совсем по-другому смотрелись наши сёла и деревни. Современная деревня утратила традиционные типы домов, хозяйственных построек и

выглядит достаточно убого. Раньше все улицы были прокошены и чисто прометённые. Дома были значительно больше по размерам. Усечённую архитектуру (дома – обрубки) деревня приобрела в годы репрессий, когда за любой более приличный дом шёл арест, тюрьма, лесозаготовки или даже расстрел. Поэтому многие хорошие дома крестьяне превращали в нищенские постройки. Традиционный дом на подклете имел летнюю и зимнюю избы. Они соединялись мостом – сенями. К дому пристраивался двухэтажный двор, где на первом этаже располагался хлев для скота, а на верхней части двора устраивали клеть и хранили сено.

Ниже в таблице приводится общая картина – антураж деревни второй половины XIX века, с перечислением традиционных хозяйственных и общественных построек без

расшифровки их функционального назначения:

Хоз. постройки	Общественные постройки
амбар	галдарея
баня	кузницы
погреб – ледник	мельницы
овин	храм
гумно	часовня
микильница	маслобойка
каретник	мелочная лавка
сарай для дров	торговые ряды
сенной сарай	школа
хмельники	дом волостного управления
вешало	почтовая станция - яма
	колодцы
	святые столбы
	лавы
	новарни
	фельдшерский пункт
	плотомои

Многое утрачено из архитектурного наследия наших предков. И, конечно же, это не красит нас, ныне живущих.

Грамотность крестьян того времени была на достаточно высоком уровне. Почти все умели писать, читать и считать. Выписывалось много газет и журналов, многие имели свои библиотеки. По некоторым крупным сёлам работали общественные библиотеки. Во многих деревнях и сёлах были 4-х классные церковно-приходские школы. Они имели разное название и разную ведомственную принадлежность. Были и частные школы.

Образование не было обязательным, всё зависело от желания ребёнка или воли и финансовых возможностей родителей. Образование вообще вещь очень условная. Оно не является гарантом

того, что после обучения мы получим добрых, порядочных, сострадательных, любящих своё Отечество людей. Можно иметь два университетских диплома, знать иностранные языки и быть при этом хамом, взяточником, казнокрадом, бомжом или бандитом, что мы и наблюдаем в современной России.

Высокая духовно-нравственная культура, порядочность, знания и опыт формируются там, где социально-бытовое и природное окружение делает человеку вызов. А таких вызовов у крестьянина пруд пруди. Жизнь в деревне – высшая жизненная школа. Очень многим деревенским старикам можно присваивать звание – народный профессор.

При всей защищённости человека в сельской общине, он должен был ежедневно поддерживать свою самость, свой авторитет:

- женился парень и попал «под пятку» жены – значит, всю жизнь будет Ванька Манькин;

- застали мужика за стиркой белья – значит, будет прозываться – Мойдодыр;

- жаден до денег, и когда понадобится срочная финансовая помощь, не ходи к соседям – не помогут;

- вышел пахать в праздничные дни – община наложит штраф – не жадничай, так как существовал строгий запрет на работу по воскресным и праздничным дням.

Это лишь малая толика из деревенского этикета, который все должны были знать.

Крестьяне XIX века жили в очень узком и ограниченном пространстве. Поэтому было сакрализовано и являлось предметом поклонения всё, что его окружало: небо, солнце, луна, радуга, звёзды, дождь, снег, ветер, необычные деревья и камни, водо-

ёмы, дом, порог, окна, двор, печь, лес и т.д. Люди организовывали, систематизировали свою жизнь в сложной структуре народного календаря, который нужно было знать, держать в памяти, соблюдать все местные календарные и вне календарные обряды и обычаи. Эти знания нельзя считать бессмысленными или мистическими. Они, прежде всего, объединяли крестьян в единое сплочённое сообщество. Они дисциплинировали каждого члена общины, давали ему духовный смысл жизни, вос-

питывали нравственность, ограждали от тех социальных катастрофических явлений, которые мы сейчас называем Окнами Овертона.

Из вышесказанного понятно, что крестьяне, даже не учившиеся в школе, обладали большим количеством знаний, умений, навыков, которые им давала сама жизнь.

В XIX веке у жителей Череповецкого уезда (современные Череповецкий и Кадуинский р-ны) были в большом ходу отходничество и наём на работу в крестьянские семьи. Отходничество и наём

на работу – уход молодёжи на заработки в такие города, как Череповец, Весьегонск, Пикалёво, Рыбинск и Санкт-Петербург. Многие действительно зарабатывали приличные деньги для крестьянской семьи, но вместе с тем тащили в деревню все прелести городской культуры. А многие девушки, успев поработать в публичных домах, приобщали к доступности женского тела местных жителей. И для нас это очень грустные события нашей истории.

С древнейших времён и до наших дней главными событиями в жизни любого человека были и есть рождение, свадьба и смерть. Они

сопровождались большим количеством различных традиций, обрядов и магических действий. Сегодня мы живём по упрощённым правилам и схемам, доводя важные события своей жизни до бездумного примитивизма, грубо разрушая многовековой культ семейных ценностей и обучая этому своих детей.

Лекарство от исторического беспамятства одно – трудное, мучительное возвращение к своим истокам и корням. Не декларативно, а реально мы должны вернуться к вечным духовным ценностям: семья, дети, старики, труд, Родина и Отечество.

РОДОВОЙ СТРОЙ

РОД – рождение и произведение, связь членов семьи обоего пола от общего родоначальника.

СЕМЬЯ – совокупность близких родственников, живущих вместе: родители с детьми.

РОДСТВО – родная, родственная связь, кровные отношения. Родство бывает «кровное» и «духовное».

В.И.Даль.

В исторической литературе о родовом строе древних славян упоминается как-то вскользь, мельком. Обычно пишут так: «В IX веке родовой строй у древних славян уже разлагался». Такие описания, к сожалению, не дают нам возможности полноценно узнать, проанализировать и оценить обычные родственные взаимосвязи,

имевшие место в повседневном быту наших предков. В наших исторических опусах есть цари, князья, царская челядь, полководцы, сражения, войны, числа, даты, но там нет народа. История без народа! Тем более, наши историки не опускаются до описания каких-то там родственных взаимоотношений. Эти отношения проявляются только тогда, когда речь идёт о царях или князьях. Но не все ведь были князьями...

Так что же такое род? Как он влиял на повседневную жизнь отдельного человека, семьи, на социальное бытие славянских народов? Видимо, это самая первичная, устойчивая и эффективная форма общественного устройства, которая оставила заметный след и добрую память в славянской истории.

Члены рода живут под одной крышей или родовым «гнездом». Там есть опре-

делённая иерархия, которая помогала организации совместного труда, повседневного быта и справедливого распределения продуктов общего труда. Такие родовые гнёзда, селившиеся по берегам рек и озёр, находились на полном самообеспечении. Современному читателю, который, в основном, питается с магазина, трудно представить те богатства, которые давали роду лес, озеро или река в VIII–XIX вв. н.э.

В одной этнографической публикации журнала «Живая старина» даются сведения по Архангельской и Вологодской губерниям начала XVIII в. Речь в ней идёт об огромной физической силе и выносливости мужского населения и различных способах охоты того времени. На охоту обычно собиралась артель от 2 до 5 человек. Уезжали на нескольких

лошадях или уплывали на лодках на месяц или два. Били птицу и зверей не десятками, а тысячами.

На одной из лекций вологодский учёный, доктор исторических наук Жарникова С.В. рассказывала о том, почему утицы и гуськи считаются священными птицами и присутствуют в священных орнаментах Русского Севера. К началу весны обычно истощались запасы продовольствия у крестьян и, вдруг, с неба сваливалось огромное количество мяса – прилетали на лето утки и гуси. Прилетев в наши края, они сбрасывали перо и становились абсолютно беззащитными – лёгкой добычей местных жителей. Пополнив свои запасы, мужчины собирались в артель, палками сгоняли в реку несколько тысяч гусей и уток, гнали их по реке и продавали жителям приречных поселений.

Про огромное обилие хлеба, мяса, рыбы, других продуктов и их дешевизну писали изумлённые иностранцы, побывавшие на Руси:

В конце ноября жители убивают коров и свиней и вывозят в города на продажу. Любо смотреть на это огромное количество мёрзлой скотины, совершенно уже ободранной и стоящей на льду на задних ногах [Контарини, венецианский дипломат, 1499 г.].

Изобилие в хлебе и мясе так велико здесь, что говядину продают не на вес, а на глазомер. Зимой привозят в Москву такое множество быков, свиней, других животных, совсем уже ободранных и замороженных, что за один раз можно купить до 200 штук [Барбари, купец, 1413-1494 гг.].

В древних родах домашние мастера полностью удовлетворяли нужду в орудиях

труда, одежде и посуде. Торговать, по тем временам, такому роду было особо нечем и, главное, незачем. Земля и имущество являлись общей собственностью, а бедность и богатство били в те времена делом неслыханным.

К VIII-IX векам родовой строй у древних славян в самом деле уходил в прошлое. Большие семьи всё чаще стали распадаться на малые. Усиливалось разделение на богатых и бедных. Но родовой строй, уже в другом качестве, дожил, особенно на окраинах России, практически до наших дней. В таком роду или сельской общине невозможно представить себе ни всеми забытых, брошенных стариков, ни покинутых, обездоленных детей – стыд и позор современного «развитого» технократического общества. Все дети находились сперва под прищотом женщин и стариков

(в некоторых больших родовых семьях в общем доме могло быть до 25 люлек), а по достижении определённого возраста мальчики поступали под опеку главы семьи, девочки же – в ведение большухи.

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ И ОТНОШЕНИЯ

В крестьянской среде было естественно и необходимо иметь семью и детей. Человек, по тем или иным причинам, не сумевший этого сделать, считался обиженным Богом и судьбой.

Дружная крепкая семья создавалась и скреплялась нравственным авторитетом главы семьи. С младшего возраста старики учили тому, чтобы уметь уступить, забыть обиду, ответить добром и умению промолчать. И эти приобретённые качества переходили в хорошей семье во

взаимную любовь. Строгость семейных отношений исходила от практического опыта деревенской жизни, традиционных нравственных установок, а вовсе не от деспотизма, включающего любовь к детям и заботу о стариках.

Веками складывалась в крестьянской семье и взаимоотношение полов. Особенно наглядно выглядят эти взаимоотношения в труде, где по объективным причинам были достаточно жёстко распределены виды мужских и женских работ. Женщина, лупящая мужиков в драке или махающая кувалдой в кузнице, была так же нелепа, как кузнец за ткацким станком или стиркой белья. Только по великой нужде женщина бралась за топор, а овдовевший мужчина садился с подойником под корову.

Настолько велика сила притяжения родного «угла», и как смерть близкого челове-

ка или родственника может повлиять на судьбу человека, хорошо описано в книге «Лад» В.И.Белова:

Марья, по прозвищу Пачина, осталась в Тимонихе одна, с недостроенной избой. Кормясь миром, она возвращалась в деревню, устраивалась на ночлег в пустом срубе, без крыши и потолка. Приговаривала: «Больно добро дома-то, больно добро дома-то!»

Другая Марья, оставшись вдовой, сама, без мужской помощи, дорубила себе избу.

Роднёю считают и называют лиц, состоящих в родстве по крови. Кроме живых родственников по крови, есть умершие родственники, и кровную степень родства в Кадуйском и Череповецком районах в похоронно-поминальных причетах называют «родня кровавая» [Экспедиционные фонды

МБУК «ЦНТКиР», 1990-е гг. Далее материалы Этнографического бюро кн. В.Н.Тенишева, 1899 г. – ред.].

Лиц родственников «по свойству» называют общим именем – «сватами». И родство от сватовства отличают: «Этот мне хоть и небольшая, а родня – двоюродный племянник, а эта – сватья – тётка жены». Лиц, состоящих родственниками по крови, считают более близкими, нежели той же степени родства, но находящимся в родстве «по свойству». Муж считает родными, например, своих дядей и племянников, а дядю и племянника жены - нет. А жена наоборот. Прежде, когда жили большими семьями, в которых членами одной семьи являлись не только двоюродные братья и сёстры, но и троюродные – родственные чувства были гораздо сильнее. Прежде и троюродные братья, сёстры, племянники

считались большой роднёй.

А теперь [конец XIX в. – ред.], когда дробление семей дошло до того, что два родных брата не могут ужиться вместе, родственные чувства ослабли: двоюродные считаются роднёй маленькой, а троюродных и совсем роднёй не считают. В гости друг к другу они не ходят, а на свадьбы троюродных родственников уже и вовсе не зовут.

Плотские и духовные родители друг друга называют «кум, кума». Отношения между ними очень дружеские, родственные. Крёстного отца зовут «божатка», крёстную мать – «боженька»; тех за кого они поручились перед Богом на крестинах – «крестный, крестница». Божатка в доме крестного всегда дорогой гость и на свадебных пирах играет главную роль – «тысяцкого». Крёстные отец и мать благословляют своего крестника или крестницу к

венцу. На свадьбе всегда сидят на первом месте, то есть крестный по правую руку от молодых, а крестная по левую.

Между крестьянами считается грехом обидеть своих крестных. «Тому, говорят, Бог счастья не даст, кто обидит боженку или божатку».

Молодая, вступившая в новую семью, для всех членов этой семьи на первом году жизни в ней есть «невестка». Отец и мать мужа для неё «свёкор» и «свекровь». Брат мужа – «деверь», а сестра мужа – «золовка». Брат жены для мужа – «шурин», а сестра жены – «свояченица».

Муж родителей жены называет «тесть» и «тёща», а в глаза «батюшка» и «матушка». Они же зовут его «зятем». Зять, принятый в дом родителей невесты называется «приёмышем», а в деревне он имеет много дурных и уничижительных прозвищ.

У близких родственников,

как например, родные братья, если они не живут вместе, родственные чувства выражаются в том, что родственники первыми помогают в беде.

Помогать родственникам – помогают, но что касается до почитания, то оно, в основном, вызывается не родственными чувствами. Почитают, прежде всего, богатых. Личные качества – ум, образование, доброта в человеке хотя и ценятся, но далеко не в той степени, как денежное богатство.

Кумовство между крестьянами считается духовным родством. Отношения между покумившимися более близкие, чем у посторонних. Есть в нашей культуре очень интересный и красивый вариант духовной близости – это кумление девушек на один год через егорьевские венки (кольца), свитые на берёзах из веток: с приговорами –

клятвами, обниманием и поцелуем через венок.

Обмен нательными крестами с троекратным целованием были широко распространены среди деревенских парней и обязывало к крепкой дружбе и взаимовыручке. Данный обряд назывался «побратимство». Девичья дружба, без родственных связей, тоже закреплялась обменом нательных крестов. [Обряды кумления и побратимства – из экспедиционных фондов МБУК «ЦНТ-КиР», 1990-е гг. – ред.]

ОБОЗНАЧЕНИЕ РОДСТВА

В нашей местности для обозначения родства существуют слова «родня», «сродственник». Свойственников называют «своиками».

Дети родных братьев и сестёр называются «двоюродными».

«Зять» – муж дочери для её

родителей. Зятем он так же считается для сестер и братьев его жены. Родители зятя и родители невесты зовут друг друга «сват» и «сватья».

Брат мужа для жены – деверь, брат жены для мужа – шурин. Сестра мужа для жены – золовка, сестра жены для мужа – свояченица.

КРОВНЫЕ РОДСТВЕННИКИ

Отец
мать
побратим (брат)
сестра
сын
дочь
дед
бабушка
прадедушка
прабабушка
дядя
тётя (тётка)
двоюродный брат, сестра
двоюродные дядя, тётка
троюродные брат и сестра

РОДСТВЕННИКИ ПО СВОЙСТВУ

тeсть
тёща
свёкор
свекровь
молодуха (сноха, невестка)
деверь
шурин
сват
сватья
золовка
(другие)

Если мы внимательно перечитаем статусы родственников, то обратим внимание на странность и непонятность этих слов. Каков был первоначальный смысл, ну, скажем, в словах «падчерица», «шурин», «тёща», «деверь», или эти слова были придуманы в процессе, чтобы каким-то образом промаркировать степень родственных взаимоотношений? Нет ответа на данный вопрос... Но эта терминология

есть, она просуществовала не одно тысячелетие, более того, она существует и в дне сегодняшнем [XXI век – ред.]. У редкого мужчины не вздрогнет сердце при слове «тёща», для нас дороги и сегодня слова «мама», «папа», «сын», «дочь».

Но вот дальше этих слов, у многих молодых людей познания заканчиваются. Давайте попытаемся вместе разобраться в этих хитрых родственных взаимоотношениях.

Сегодня [XXI век – ред.] мужа и жену мы называем «супругами», но раньше эти слова не употреблялись. «Хозяин», «мужик», «бацька», «батя», «сам» - так в разных случаях назывались жёнами мужья. Жену называли «бабой», «хозяйкой», «самой», «маткой», «жёнкой», «большухой». Дети маму называли «мамой», «маменькой», «мамкой», «матушкой», «родительницей». К родителям

у нас никогда не обращались на «вы». «Отчимом» и «мачехой» называются не родные отец и мать. А не родные дочь и сын – «падчерицей» и «пасынком». Незаконно рождённые дети, как правило, имели массу уничижительных прозвищ. «Богоданными родителями» считались отец и мать жениха для невесты, пришедшей в их дом, и были для неё свекром и свекровью.

БОЛЬШАК и БОЛЬШУХА

Под словом «хозяин» разумеется «большак». И в малой и в большой семье бывает один большак.

Обычая выбирать большака в настоящее время [*конец XIX в. – ред.*] нет. В большинстве случаев власть в семье и звание большака от отца переходит к старшему сыну.

Обязанность большака – отца в отношении малолет-

них членов семьи заключается главным образом в том, что он неусыпно заботится, чтобы семья была сыта, обута и одета, имела бы тёплый угол с горячей широкой печкой.

Ради этого ограниченно-го довольства семьи он изо всех сил трудится, иногда надрываясь тяжелой работой и преждевременно сходя в могилу, переносит холод, терпит всевозможные лишения, не досыпает, не доедает.

Большак имеет право наряжать членов семьи на работы, на обучение и работы в людях.

Он обязан служить по выборам сельским старостой [*если выберут – авт.-сост.*] и назначению (пожарным старостой, полицейским десятским и сотским) общества; обязан участвовать в расходах общества в видах общественной пользы – починка дороги, ремонт колодцев и прудов, рытьё канав, устрой-

ство заворов [*ворота из жердей в изгороди на въезде в деревню – авт.-сост.*], общественных изгородей и т.д.

В случае какого-либо несчастья в деревне, например, пожара, большак обязан бросить неотложное дело и спешить на помощь.

Едва ли нужно говорить о том, что он обязан исполнять законные требования всех властей: платить налоги,

быть на всех сходах сельской общины.

Набожный большак старается возможно чаще ходить к обедне в воскресные и праздничные дни, чтобы показать пример усердия своим семейникам и, чтобы не навлечь на себя публичный выговор священника за редкое посещение церкви.

Во время обхода деревни

священником в праздник и с молебнами, по народному обычаю, каждый большак должен прийти в дом соседа, где служится молебен, взять из этого дома икону и принести в свой дом, - «встретить икону» - говорят.

При собирании «нови» (нового урожая) по деревням церковным старостой, к его возу рожь и овёс несёт обязательно сам большак.

Большаки участвуют в церковно-приходских сходах, заботятся о поддержании и украшении церкви.

Если у большака есть жена, то она и бывает большухой в том случае, когда она не стара, не больна, в противном случае обязанности её передаются старшей невестке.

Большуха не выбирается, а назначается большаком.

Обязанность её к членам семьи состоит в том, что она прежде всего заботится что

бы семейные были покормлены, одеты как следует.

Она запасает впрок всякую провизию, следит за домашним хозяйством, соблюдает в доме чистоту и порядок, смотрит за скотиной, распределяет работы между остальными женщинами, девушками и девочками в семье.

В своих действиях и поступках она отдаёт отчёт большаку.

**Аверьян Никитич
Власов, 1899 г.**

(Материалы Этнографического
бюро кн. В.Н.Тенишева.
Том 7, Часть 3.
С.247-250, 265-266)

**Василий Антипович
Антипов, 1899 г.**

(Материалы Этнографического
бюро кн. В.Н.Тенишева
Том 7, Часть 2. С.271-274)

**Анатолий Федорович
Каданцев, 2017 г.**

(Экспедиционный фонд МБУК
«ЦНТКиР», 1990-е гг.)

ВОСПИТАНИЕ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬЕ

Обязанности родителей к детям – кормить, одевать, воспитывать быть полезным членом семьи, обществу, государству. Передать свои умения, знания, опыт, воспитать уважительное отношение к старшим, особенно

к старикам, как в своей семье, так и всей сельской общины.

Обязанности детей к родителям – пока малы, слушаться их, не выходить из воли, потом помогать им в работе, во время болезни забо-

титься о них, и под старость кормить. Одна из главных обязанностей – честно похоронить родителей, соблюдая обычаи и обряды, предписанные местной традицией, и соблюдать все поминальные обряды.

В бедных семьях очень рано заставляют детей работать. Крестьянские дети к работам привыкают незаметно, как-то сами собой.

5-6 летнего ребёнка мать заставляет пригонять скотину; он пригонит вечером домой коров, выгонит свиней из огорода, сводит на реку попоить лошадь, снесёт батьке поест в поле, сидит верхом на лошади и правит ему; когда отец везёт снопы в овин, подаёт эти снопы с телеги.

Девочка с этого возраста начинает помогать матери: она посуду перемывает, пол подметёт, ребёнка качает,

а нередко и целые дни нянчится с ним. Едва научится держать в руках иголку, она пришивает заплату на маткину рубашку или на свой сарафан.

С 5-6 летнего возраста мальчики привыкают ездить верхом на лошади, выполнять различную работу. Но бывают и исключения. Минувшей зимой я видел, как 7-летняя девочка одна ехала из лесу на лошади, на которую было навалено огромное бревно. Я остановился около избы Прокопия и стал наблюдать за девочкой. Она поравнялась с грудой ранее навоженных брёвен, оставила лошадь, развязала верёвку, прикреплявшую бревно к колодке дровень, махнула лошадь кнутом; лошадь дёрнула, бревно соскользнуло с колодки и осталось на месте. «Кто тебе навалил в лесу бревно?» - спросил я девочку. «Тятя,

- ответила она, - он там другое рубит, я ещё к нему поеду, вот только погреюсь маленько». С этими словами она убежала в избу.

Часто приходится видеть, как из окрестных деревень приходят в мелочные лавки 5-6-летние дети – за четверкой табаку отцу, фунтом – двумя керосина и т.д.

«Васютка, беги за маткой, скажи, что я обедать приехал», - посылает Василий 6-летнего сына (отец пахал поле под рожь). «А где она жнёт-то, тятя?» - спрашивает мальчик. «На долгой полосе, против дядина сенника». «А, знаю!» И Васюткин след простыл.

Таких детей берут на пустошь на сенокос; там они приносят из ближнего родника или ручья воду для питья, таскают хворост для костра, пытаются грести сено, варят даже кашу к обеду.

Во многих семьях 7-8 лет-

ние мальчики и девочки исполняют роль нянек в горячее рабочее время, и сами наплачутся гораздо больше, чем ребёнок.

По мере подрастания ребёнка ему поручают более серьёзные и ответственные работы.

В 8-10 лет мальчик боронит, возит навоз со двора на поле, сгребаёт сено, пасёт лошадей в выгоне, помогает отцу садить снопы на овин и убирает ворох соломин с гумна.

Девочка в таком возрасте с матерью жнёт, выполняет различные огородные работы, помогает полоскать бельё на речке, ей разрешают топить баню, ухаживает за скотинкой, моет полы, учится прясть.

С 10-11 лет мальчики и девочки жнут, подгребают сено, бороную поле. С 11-12 лет их заставляют косить и молотить.

«Зачем такого «клопа» молотить заставляешь?» – спросил я одного крестьянина. «А хоть голосок (стук цепом) подаст, так и то хорошо», - отвечал он.

С 14-летнего возраста мальчиков приучают пахать, рубить дрова, работать в кузнице. А в 15 лет он уже делает всё то, что и совершенно взрослые: косят, молотят, зимой гоняют лошадей за дровами и брёвнами в лес, пилят дрова, валят деревья,

срубают сучья, пашут, боронят, копают картофель. С 12-15 лет подростки работают молотобойцами в кузнице, возят зерно на мельницу.

Семьи, в которых младшие слушаются старших, начинают сознавать всю силу и пользу дружной семьи. Приходит понимание, что жизнь и труд в такой семье – это путь к духовному равновесию, к достойной и зажиточной жизни. У крестьян по этому поводу есть поговор-

ка: «Один и у каши пропал, а в семье-то и каша гуще».

Детишек и подростков как родители, так и посторонние большею частью называют ласкательными именами: Васютка, Анютка, Танюшка, Маринка и т.д.

Когда у ребёнка появляются зубы, то пищу он ест такую же, как и большие. А так как ребёнок «не может тянуть от выти до выти», то в промежутках ему дают молока, каши, сваренной на молоке.

Первоначальная одежда, как у мальчика, так и у девочки – длинная рубашка. Обувь с ранней весны и до поздней осени маленькие дети лет 6-7, да и многие взрослые не знают, и ходят босиком. Только в зажиточных семьях покупают сапожки или башмачки на холодное время. Зимой же и бедняк покупает для ребятешек катаники

(но не все). Верхней одеждой детей служит какое-нибудь пальтишко, одинакового покроя как для мальчиков, так и для девочек, сшитое из дешёвой бумажной материи на кудели вместо ваты. В бедных семьях дети щеголяют в отцовском зипунишке или материнной кацавейке.

Отношения взрослых к детям очень мягкие, гуманные.

Очень многие родители совсем не подвергают детей телесным наказаниям, а ограничиваются уговором или «сшуранием», разве мать надаёт своему маленькому ребёнку «шлепней» ладонью. Более взрослых она угощает тумаками в горбушку или загривок. Но эти наказания производятся в очень лёгкой форме, скорее делается для острастки, нежели с целью причинить боль. Если отец наказывает детей, то и его наказания бывают лёгкие. А

детей со школьного возраста большинство родителей и совсем не наказывают.

Есть, правда, и такие семьи, где детей наказывают, и иногда жестоко за дело, но таких семей мало. К таким семьям соседи относятся пренебрежительно.

Из наказаний более употребляемы драньё за уши, за волосы, колотушки. Более грубые родители дерут детей розгой, ремнём или тем, что попало под руки. В

некоторых деревнях Горской волости детей ставят в угол, а чтобы наказание было более строгим, заставляют вытянуть руки и держать веник или метлу. Этот вид наказания пришёл из земской школы. В семьях грубых или «собачливых», бьют до тех пор, пока дети, особенно сыновья, не научатся сами сдачи давать.

Детей не особенно муштруют, а в большинстве случаев их представляют самих себе,

и дети растут на свободе, даже в школу их насильно не посылают, если дети сами не пожелают учиться.

Молиться детей приучают с первых лет, когда ребёнок только начинает говорить.

Учит больше этому, да и всем другим премудростям, сама жизнь, бабушка и дедушка, если они есть в семье, или мать и отец.

Дети чаще находятся около стариков и больше к ним привыкают, а у отца и матери меньше свободного времени, да и терпения меньше.

Первые молитвы ребёнка «Во имя Отца...», «Святой Боже», «Богородица».

Дети лет 6-7 летом, если деревня находится недалеко от церкви, уже ходят к обедне. Из дальних деревень церковь начинают посещать только в таком возрасте, когда сами в состоянии пройти туда и обратно.

Стращать ребёнка и внушать ему разные поверья начинают ещё с того времени, когда ребёнок лежит в колыбели. Мать или нянька пугают плачущего ребёнка «букой», «седым стариком», который ходит с мешком под окнами и забирает неугомонных ребят.

По мере того, как ребёнок подрастает, круг суеверий, внушаемых к нему, делается больше.

Ему наказывают, чтобы он не ходил один на речку купаться, потому что там живёт «водяной», который тащит ребят под воду.

«Не ходи, Миша, один в лес: там есть дедушка-лесовой. Он ходит с большой дубиной и стучит по ёлкам; как увидит маленького, так сразу и зашибёт, а то в свою берлогу утащит и съест», - внушает мать своему мальчугану.

В бане живёт «банник» и сидит где-нибудь за печкой или под полком.

На дворе в углу или под яслями живёт «дворовой».

По вечерам около жилища ходит «баба-яга, костяная нога, жопа глиняная».

Так что, куда не ступи ребёнок, везде можно наткнуться на какую-нибудь беду. Страх перед различными духами, внушаемый ребёнку с ранних лет, бывает так силён, что и взрослый человек не может отделаться от него до самой смерти.

Стариков и старух крестьяне уважают вообще: «Уважай старость – сам стар будешь», - говорят они. Уважительное отношение к старикам повсеместно, как в семье, так и в сельских общинах.

Если кто встречается на улице со стариком или старухой, то первый снимает перед ними шапку, часто

приветствует словами: «Здорово, дедушка Иван! Здравствуй бабушка Матрёна!»

Редко, но бывает и наоборот.

В д.Гридино была старуха, имеющая двух сыновей. Сыновья после женитьбы разделились, и мать перешла к одному из них, который взял и её часть имущества за прокорм. Старуха вскоре ослепла. Сын и невестка стали к ней относиться скверно. Бедная старуха, лёжа на печи, голодала иногда по целым дням. Её не сводили с печи к обеду и ужину, а швыряли на печь куски, как собаке. Только благодаря своему внуку она могла слезть с печи, чтобы исправить свои потребности.

Не смотря на просьбы свести её в церковь, сын говорил: «Вот ещё, сбредешь и сама!» И зимою можно было встретить старуху в опорках (лаптях), в плохой одежде,

с палкой, бредущую к церкви. Соседи часто приносили старухе чего-нибудь съедобного. Василия, за его худое отношение к матери, все порицали, и если над ним случалась какая беда, то все говорили: «Это Бог его наказал за то, что старость не уважает!»

Стариков и старух, так называемых бобылей и бобылок, принято кормить и ухаживать за ними всем обществом по очереди, если они сами не в силах добыть себе пропитание и больны. У них по очереди топят печи, обеспечивая их заранее дровами, приносят пищу, наводят порядок в доме и моют полы, убирают за ними нечистоты, худо-бедно дают одежду.

Все эти вопросы решаются на сельском сходе, это считает общество своей обязанностью; иначе бы им (старикам) некуда было деваться. Если у одиноких стариков нет избы, то им строили небольшие избышки, или отводили жильё в церковной келье. В сельской местности вообще нет брошенных стариков, как и нет брошенных детей-сирот.

Василий Антипович

Антипов, 1899 г.

(Материалы Этнографического бюро кн. В.Н.Тенишева.

Том 7, Часть 2.

С.275-276, 279-282.)

Александр Григорьевич

Власов, 1899 г.

(Материалы Этнографического бюро кн. В.Н.Тенишева.

Том 7, Часть 3. С.543.)

БЫТ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ

ОПРЯТНОСТЬ

Слово «опрятность» связано с понятием «чистота». Наши предки «жили в вере», и старались во всём сохранять как чистоту духовную, так и физическую. Нерях по

тем временам было мало. Были люди, которые в силу особенностей профессии могли носить грязную одежду: смолокуры, углежогы, кузнецы, мельники, но обычный домохозяин должен был носить чистую одежду. Это

требовал деревенский этикет.

Стиркой белья занимались женщины. Бельё стирали в больших деревянных корытах. В корыто закрепляли с наклоном стиральную доску, наливали тёплую воду и добавляли щёлок – раствор, настоящий на просеянной древесной золе. После этого начиналась стирка белья.

Но перед стиркой бельё предварительно обрабатывали: замачивали в воде, пропаривали у костра или над каменкой в бане или «бучили» в кадлушке.

Полоскали бельё в имеющихся водоёмах, а зимой в проруби.

Особую заботу хозяйки – большухи составляла чистота в доме. Метли избы каждый день, а в других даже не раз. Полы мыли в избах один раз в неделю по субботам.

Перед большими праздниками мыли стены, пол, по-

толок, всю кухонную принадлежность, белили печи, следили за чистотой посуды. В доме мыли используя голик (веник без листьев), щёлок и дресву (мелко истолчённый мягкий камень). Печи белили известью или мелом.

Сами мылись в банях, которые топят по субботам. В банях парятся вениками и моются используя мочалки и щёлок. После парения обливаются холодной водой, зимой купаются в снегу. Многие мылись дома в русских печах. Летом, там где есть возможность, мылись в озёрах и реках. После бани все надевали чистое бельё.

Чисто прометали двор и закреплённую за семьёй территорию.

В традиционной культуре нет такого понятия как «мусор». Крестьянское хозяйство было устроено таким образом, что абсолютно всё шло в дело.

ЗАЩИТА ОТ ХОЛОДА

Деревянный дом с осени готовили к зиме. Делали «завалинки», которые наполняли землей, опилками. Завалинка защищает нижние венцы дома от проникновения холода.

В подвалах нижние венцы заваливали землёй.

С осени проконопачивали стены домов, таким же образом утепляли хлев.

Окутывали перед зимой стены изб соломой, мохом, кострикой.

Зимой заваливали дом снегом, заваливали и окна, оставляя в них только верхние стёкла.

Вставляли в окна вторые внутренние рамы.

В каждом доме была обязательно маленькая кирпичная печка или чугунная с железными трубами. Утром, особенно в большие морозы, эту печку первым делом и топили. Когда истопят русскую

печь, то температура держится ровнее, а к вечеру опять топят маленькую печку. На ней же грели воду на чай и готовили различную пищу.

Отоплялись крестьяне дровами, которые вырубали в ближних лесах. Дрова по большей части еловые, осиновые и ольховые имелись в достаточном количестве.

ОСВЕЩЕНИЕ

Освещались избы керосиновыми лампами, которые были двух видов: настольные и висячие. Лампы были разных размеров, и чем больше лампа – тем выше уровень освещённости, а он измерялся «линейностью» в цифрах. Существовали лампы «девятилинейные», «десяти» и «двенадцатилинейные». В них обязательно употреблялись специальные стёкла.

От ламп шёл неприятный керосиновый запах и они

сильно коптели. Применялись и лампы «коптелки» без стёкол. Лампы и керосин вошли в моду примерно около 1880 годов.

Деревенская молодёжь иногда устраивала «светлые вечёра», когда в одном доме собирались молодые люди из нескольких деревень. В доме зажигали несколько ламп, отсюда и название вечёры – светлая.

Керосиновые лампы и керосин продаются и сегодня, так как в некоторых поселениях не подведены электросети до сегодняшнего дня. Кроме домов такими лампами до сих пор пользуются в банях.

В прежние времена крестьяне освещали свои избы горячей лучиной, для неё де-

лались особые деревянные и железные светцы. Они были напольные и настенные. На пол под лучину всегда ставили корыто с водой.

Огонь в избах начинали зажигать с осени и только на ужин. Поздней осенью и зимой лампы горели дольше. С Благовещения (25 марта – 7 апреля) огни не зажигали. Ужинают и ложатся спать без огня всю весну и всё лето.

Раньше было много различных способов добывания огня, а со второй половины XIX в. и до наших дней мы используем, в основном, спички.

Анатолий Федорович

Каданцев,

(Экспедиционные фонды МБУК

«ЦНТКиР», 1990-е гг.)

ДЕРЕВЕНСКОЕ ЗАСТОЛЬЕ

Труден путь человека к хорошему, качественному застолью. И главное на этом пути – ежедневный упорный труд. Недаром в народе говорят: «Как потопаешь – так и полопаешь».

У каждого народа путь к пище обставлен огромным количеством обрядов, обычаев,

примет, суеверий, магических действий. По-разному и поедается пища. У одних народов пищу едят, сидя на полу и без стола, другие сидят «по-турецки» за низкими столами. Кто-то ест руками, мы используем ложки (вилки русская традиция не знала), японцы и китайцы едят палочками и т.д.

Крестьянский стол и достаток в доме целиком «вырастал» в лесу, на пашне, в реке, на покосе и скотном дворе. Но и всё это ещё не давало гарантии к благополучию, необходимо было совершить ряд магических обрядов для успешного ведения хозяйства. Особо успешным днём для такого рода занятий считается Великий четверг перед Пасхой. Обрядов Великого четверга на территории Череповецкого и Кадуйского районов экспедициями Кадуйского центра народной традиционной культуры и ремесел записано очень много. Я же остановлюсь лишь на некоторых из них.

Утром Великого четверга вставали очень рано, до солнышка. Хозяйка брала горшок со сметаной, мутовку, садилась у раскрытого окна и начинала работать мутовкой. Хозяин выходил на улицу, садился на помело и начи-

нал по солнышку объезжать дом и все хозяйственные постройки. «Доехав» до раскрытого окна кричал хозяйке: «Хозяюшка, а в доме сметана, масло и молоко есть?» Хозяйка отвечала: «Есть, да и будет!» Хозяин опять садился на помело и делал очередные круги, каждый раз спрашивая хозяйку о том, чего по его разумению должно быть много в хозяйстве. Перечислялся весь домашний скот и овощи с огорода. Данный обряд очень древний, и если он дожил до наших дней, значит, есть в нём рациональное зерно, так как ничего лишнего и бессмысленного крестьяне не делают. *[Экспедиционные фонды МБУК «ЦНТКиР», 1990-е гг. Далее материалы Этнографического бюро кн. В.Н.Тенишева, 1899 г. – ред.]*

Ещё один, достаточно забавный обряд, нацеленный на достаток в доме, проводился утром в Великий четверг

по всем Уломским деревенькам. (Здесь 1 предложение удалено – перенесено в квадратные скобки выше) Следует сказать о том, что обряд был обязателен только для мужчин – «большаков». И мы знаем о том, что Великий четверг – это подвижный праздник и иногда он бывает очень ранним, когда на улице еще лежит снег и бывает очень холодно и темно:

Утром, часов с пяти жёны начинают будить своих «благодарных»:

– Вставай, муженёк, веть сегодня Великий четверг, бежать надо...

– А... Что? Великий четверг? И что на улице?

– Да подморозило. Видишь, стёкла застыли.

Кряхтит и сопит деревенское сообщество мужиков, думая о предстоящем подвиге. Быстро всполоснув лицо, встают на краткую молитву.

Затем строго говорят своим «кровопийцам»:

– Отвернись, бесстыжая!

– Ха, ха, ха, да больно надо..!

Мужик скидывает с себя портки и всю остальную одежду, оставшись совершенно голым, крестится и с криком вываливается на улицу. Жёнка за ним, заранее похохатывая от предстоящего цирка. Мужик, зажав «хозяйство» руками, начинает, как очумелый, носиться вокруг своей усадьбы, по честному развивая предельную скорость на которую он способен. Обряд иначе будет недействителен. Жену разбирает смех, она громко смеется. Смех раздается от соседнего крыльца, там соседка «помирает» от смеха над своим «бедалагой», который тоже прыжками (снег-то холодный) бежит быстрее лани, да забыл зажать своё «хозяйство», и «хобот» болтается во все стороны. Бабы уже устали

от смеха. Наконец их бегуны пулей залетают в дом и на печь, прикрыв срам подвернувшейся одежиной. Но не все мужики удачно завершают эти три круга. Один упал и разбил нос, другой упал, зацепившись за палку и еле приковылял до дома. Говорят: «Черти палки под ноги подставляют...» Не очень удачным будет год у этих мужичков.

В Великий четверг денежки считают до солнышка, «мурашовник» [взяты из муравейника несколько горстей – авт.-сост.] приносят и раскидывают его по двору и хлеву, чтобы скотина не болела и плодилась. Совершают ещё массу обрядов, чтобы в доме был достаток. [Экспедиционные фонды МБУК «ЦНТ-КиР», 1990-е гг.]

Особенности уломской и кадуийской кухни зависели не только от климатических

условий (урожайный или неурожайный год), но и от всего нравственно-бытового уклада того времени. Что выражалось через отношение к столу и правилам поведения за ним; отношение к посуде и деление пищи на постную и не постную (скоромную). Были такие понятия, как «свадебный» (княжий) стол, похоронно-поминальные, праздничные застолья. Разнообразить стол заставляли и смена времён года, и местные традиции, знания, умения, и личные пристрастия стряпухи – большухи [о понятии «выть» см. ниже – авт.-сост.]. [Далее материалы Этнографического бюро кн. В.Н.Тенишева, 1899 г. – ред.].

У наших крестьян еда – святое и очень важное дело; даже стол, за которым едят, они сравнивают с церковным престолом и стараются избегать класть на него предметы, к еде не относящиеся.

«Стол – тот же престол [Божья ладонь – авт.-сост.], за которым Батюшко Христос сидел», - говорят они.

Еде придается святое значение, потому что всякая пища, по мнению народа, дается людям от Бога, по Его милости к нам, поэтому всё съедобное называется «Божьим даром» и обращаются с ним как со святынею, соблюдая известные правила благопристойности, не лишённые суеверных приёмов и основанные главным образом на боязни «греха».

О ПРАВИЛАХ ПОВЕДЕНИЯ И ДЕРЕВЕНСКОМ ЭТИКЕТЕ ЗА СТОЛОМ

Высказывания многих наших писателей и журналистов (в основном либералов) о деревенских жителях часто звучат в уничижительной форме: «деревенщина», «пьянь», «бескультурье», «простонародье», «лаптем щи хлебают»

и т.д., забывая о том, что весь культурологический негатив, как раньше, так и сегодня [XXI век – ред.] имеет городские корни: воровство, бандитизм, наркомания, то же самое пьянство, хамство, мат, преклонение перед дикими огрызками поповой европейской «культуры» - все эти «прелести» невозможно приписать жителям наших сёл и деревень. Обвинения явно не по адресу.

Следующий материал показывает насколько высоки были и есть нравственно-духовные представления, верования и поступки наших крестьян. [Далее материалы Этнографического бюро кн. В.Н.Тенишева, 1899 г. – ред.].

Великим грехом считается уронить на пол кусок хлеба или крошки.

Разговаривать за столом грех (кроме праздничного застолья), потому что «неровно вырвется лишнее слово

какое», могущее оскорбить священнодействие акта еды. Один крестьянин из д.Уломы говорил по этому поводу: «Если за едой сидят смирно [молча – авт.-сост.], или разговаривают про хорошее, то около стола ангелы, и хлеба меньше съедят, у всех «выть» [принятый распорядок приёма пищи, а так же аппетит всех семейников – авт.-сост.] меньше будет; если говорят много, да ещё и о худом, то около стола вертятся бесы – хлеба больше надоть, потому у всех «выть» большая будет, да и бесы станут есть хлеб».

Смех за столом [обычным – авт.-сост.] считается еще более греховным действием, чем разговор о худом. При нём стол окружают те же бесы, которых «люди тешат смехом во время еды». Одна старуха при мне унимала расхохотавшихся за обедом внуков, но они, очевидно, не понимали, как можно смехом

беса тешить, и продолжали смеяться. Тогда старуха пустила в ход более понятное и образное увещание: «Перестаньте, неслухи, смеяться! А нет, так бес в блюдо насерет!» Дети испугались за порчу хлеба и прекратили смех.

Даже к христианскому доброму обычаю – молиться перед едой, народ присоединяет суеверный приём. В обыкновенное время перед едой семья молится Богу недолго и без земных поклонов, даже допускается молитва в одиночку (кто раньше вымыл руки, раньше и молится, кто опоздал – молится после); но перед ужином под воскресенье и другие большие праздники большак зажигает лампаду и свечку, и вся семья молится довольно долго (минут 10-15) с частыми земными поклонами, при этом он (только большак) кладёт на пол «голицы» (рабочие рукавицы без вязанок) и, делая

земные поклоны, ударяет в них (голицы) лбом. Все крестьяне так делают, но не один не мог объяснить мне значение и смысл этого обряда...

Хотя в будни члены семьи могут молиться перед едой в одиночку, но хозяин не позволит никому из них сесть за стол раньше его самого, и только когда он сядет, усаживаются все остальные. При этом он строго наблюдает, чтобы заходили за стол с одной стороны, а именно против солнца, и того, кто по забывчивости вздумает зайти с другой стороны, «впосолонь», он щёлкнет ладонью по лбу, обругает «нехрещённым старовером» и заставит заходить, откуда следует. Напротив, из-за стола следует выходить в обратную сторону, т.е. «впосолонь» (по солнышку), чтобы не обойти стол кругом, «а то ребят много будет у того, кто окружит стол» - у него будет столько

детей, сколько человек сидело за обедом.

Еда совершается чинно: обедающий сначала откусит от ломтя, а потом положит ломоть на стол, берёт ложку, поддевает ею похлёбку и, отправив в рот, медленно жуёт, положив ложку на стол, и только после того, как пережёванное проглотит, опять берётся за ломоть хлеба, и т.д. Нельзя есть «вприхлёбку», т.е. нельзя брать ложкой похлёбку сряду два раза за одним откусенным куском – это большой грех, т.к. вторая ложка идёт в пользу беса. На том же основании нельзя брать на ложку два куска мяса – один бесу поступит. Ложки на стол кладут вверх горбком, чтобы их закрыть от беса.

В предлагаемом материале по архивным источникам 19 века и материалами фольклорно-этнографических экспедиций Кадуйского центра народной традиционной

культуры за 1994-2017 гг. по крестьянскому застолью прослеживается абсолютная схожесть. Это говорит о том, что в традиционной культуре, даже при сегодняшнем её разрушении, в народной среде сохраняются глубинные смысловые коды и культурологические доминанты, необходимые в современной жизни. Дальнейшие тексты подтверждены большим статистическим материалом, поэтому в целях экономии места, мы не указываем реквизиты наших исполнителей. [Далее из экспедиционных фондов МБУК «ЦНТКиР», 1990-е гг.] Одной из особенностей крестьянского застолья является то обстоятельство, что пищу ели всегда из одного общего блюда деревянными ложками – это, по мнению наших дедушек и бабушек, помогало жить дружной и крепкой семьёй.

Нельзя класть локти на стол,

за столом надо сидеть прямо, иначе важное и святое значение стола унижается.

Грешно садиться за стол в нижнем белье, чавкать, полоסקать зубы, курить, ложить каравай хлеба вверх нижней коркой. «Ему от этого тяжело,- говорят крестьяне,- ну-коли бы тебя кверху ногам...»

Каждое, поставленное на стол блюдо начинает сам хозяин, предварительно перекрестясь и сказав вслух: «Господи, благослови!» Иные при этих словах закрещивают каждое новое блюдо.

Хлеб режет тоже хозяин, соображаясь с числом сидящих за столом, чтоб не отрезать лишнего куска (для беса). Если кто-то доел свой кусок, хозяин режет ему новый. При почине каравай хозяин делает крест на ребре его. Если креста не сделать, начатым караваем будет пользоваться бес чрез увеличение «выти»

[аппетита – авт.-сост.] се-

мейников. На ночь каравай начинать не следует – это приведёт к постоянному безденежью, а если и придётся начать, то горбок, на котором сделан крест не съедается, а прикладывается на ночь к караваю. Крест на горбке и сам горбок служат надёжной защитой.

Лишняя ложка на столе предвещает значительный убыток в семье (чья-то смерть, или выход замуж, или чей-то уход на заработки). Лишняя ложка – это по-

дарок бесу, а если одной ложки не хватает, значит кто-то из родных сидит голодный.

Нельзя есть с ножа и через нож на столе – злой будешь. Нельзя резать хлеб ножом, которым убивают животных, потому что от этого ножа «хлебу будет этак же больно, как больно скотине, когда её режут». В каждом доме для хлеба имеется специальный «хлебный» нож. Этим ножом не режут сырое и варёное мясо и не употребляют его для других нужд.

Торопливость в еде признается неприличною и греховною.

Крестьяне не стесняются во всякое время вслух выпускать из себя «вольный дух», но если такой грех случится за едой, то большак даст подзатыльник и выгонит из-за стола.

Грех не пригласить разделить трапезу пришедшего во время обеда в дом постороннего человека. На его приветствие: «Хлеб да соль!» - отве-

чают: «Хлеба есть! Садись-ко с нам обедать!» В большинстве случаев гость не сядет, отговорится: «Кушайте, кушайте на добро здоровье! У меня бывшее дело», но хозяин рад будет накормить его, чем Бог послал, и настает, чтобы гость принял участие в семейном обеде.

Любой крестьянин знает, что «на ходу» есть нельзя, нельзя есть в шапке, немытыми руками или в рукави-

цах – это грех. В полночь есть нельзя [*после 12 часов ночи – авт.-сост.*], так как в это время везде разгуливает «нечистая сила». «В полночь есть – нечистого кормить,- говорят мужики, ён всё слопает, а сам-от ты ровно бы как и не ел, никакой пользы тебе не будет от пищи».

Первый ломоть от каравая дают девицам, чтобы груди большие были, с этой же целью они едят края от пирогов. А замужним этого есть нельзя – мужик спиной к ней спать будет.

Между установленными в известное время «вытями» [*завтрак, обед, паужин, ужин – авт.-сост.*] для всей семьи есть нельзя. Например, съесть кусок хлеба между обедом и ужином – от этого «выть» (аппетит) увеличивается. «Кусоловничать» (есть между вытями) разрешается только маленьким детям.

Перед употреблением ка-

кого бы то ни было напитка крестьяне крестятся и говорят: «Господи, благослови!» В полночь пить нельзя: может зараза всякая прилипнуть, да и вода ночью «спит».

Хозяйки очень заботятся о том, чтобы в содержимое посуды (похлёбку, каши, молоко, вода и т.д.) не вторгся бес. Для этого они никогда не оставляют открытою занятую чем бы то ни было посуду, прикрывают тряпкой, дощечкой или двумя крестообразно сложенными лучинками, а пустую посуду опрокидывают вверх дном. Вся посуда с пищей закрепляется. Ни в одной избе не увидеть неприкрытой кадки с водою – в оборону от беса.

А.Ф.Каданцев, 2017 г..

(Экспедиционные фонды МБУК
«ЦНТКиР», 1990-е гг.)

Андреан Никитич Власов,
1899 г.

(Материалы Этнографического
бюро кн. В.Н.Тенишева.
Том 7, Часть 3. С.167-170.)

ВЫДЕЛ И РАЗДЕЛ КРЕСТЬЯНСКИХ СЕМЕЙ в конце XIX века

Большая часть жителей наших волостей живут уже малыми семьями. Ещё с одним женатым сыном семья держится вместе, но как только женят второго сына, в редких случаях через год – два семья не распадается на две, то есть которого-нибудь сына является надоб-

ность отделить, «уйти от греха прочь», как говорят крестьяне.

Из долголетней жизни между крестьянами я вынес убеждение, что только на справедливом и разумном принципе «единодержавия» крестьянская семья может стоять прочно как в нрав-

ственном, так и в экономическом отношении.

И крестьяне это прекрасно понимают, у них даже есть пословица: «Без хозяина дом – сирота».

Главную и существенную причину семейных раздоров следует поставить вообще ссоры между женщинами в семье, а в частности между невестками, и придирчивость свекрови к невесткам.

Пока сын холост, он очень близко стоит к своей матери и очень часто прибегает к её заступничеству. Словом, мать привыкает к тому, что её детище находится в её руках, под её попечением.

И вдруг, женитьба вырывает у неё из рук сына, свои симпатии он переносит на другую женщину, отодвигая мать на задний план, - невестка стала между матерью и сыном. Очень естественно, что

с первых же дней свекровь видит в ней личного врага и начинает изводить всеми возможными от неё мерами, доводя молодую женщину до того, что она категорически заявляет мужу: «Отделяйся, а нет – я уйду! Хотя ты убей меня, а больше жить в этом доме не стану! От матушки больше терпеть не буду!» В результате – делёж...

Как бы согласно и мирно братья не жили между собой, а лишь начали ссориться их жёны – конец их мирной жизни, бабы сумеют посорить и мужей.

И давно замечено, что стремление к самостоятельности, вызывающее раздоры, гораздо чаще проявляется в женщинах, чем в мужчинах.

Но не всегда желание разделиться быстро осуществимо, и причины, задерживающие раздел, могут быть разные...

Прежде всего, непреклонная воля отца, который из собственной жизни помнит, что раздел – это путь к голодной жизни, и он всеми силами удерживает семью от раздела.

Постройка домов для каждого брата иногда задерживает раздел на несколько лет.

При разделе всегда возникает масса земельных вопросов, и зачастую выделившаяся семья остаётся с малым земельным наделом, что обрекает семью на многие годы к бедственному существованию.

Вот что говорил мне крестьянин д. Князево Арсений Ефимов, живущий с отцом и тремя женатыми братьями:

«Ругани у нас кажинный день, «бабьей войны» - хоть на возу вывози. Больно уж нас много в семье накопилось, сладу не дать со всеми-то. Оно, конечно, мне следно отделиться, и знаю,

что тятя отделил бы, да как отделишься-то, земли-то будет с «гулькин нос».

Дележи семейные – это страшный бич благосостояния крестьян. Мне кажется, что, за исключением случайных бедствий, в здешней местности нет ещё другой такой причины, как дележи, которая бы так сильно подрывала крестьянское хозяйство.

*О БЛАГОСЛОВЕНИИ
ПЕРЕД ВЫХОДОМ
В НОВЫЙ ДОМ ПРИ РАЗДЕЛЕ*

В воскресенье мужчины сходили в церковь, отслужили молебен Николая Чудотворцу. После обеда старик затеплил лампадку перед иконами и все уселись на лавки. Наступила мёртвая тишина минуты на две.

«Ну, Господи, благослови, прости, Господи, наши прегрешения и дай нам, господи, всем жить да радоваться», -

начал старик, вставая перед иконами и отвешивая поясной поклон.

Все последовали его примеру. Многие становились на колени и кланялись в землю. У некоторых на глазах были слёзы, а бабы всхлипывали.

По окончании молитвы старик взял со стены одну икону: «Ну, детки, подходите: я вас благословлю».

Первым подошёл старший сын. Он перекрестился перед иконой, отвесил земной поклон, поцеловал её. Потом поклонился старику в ноги и взял из его рук икону.

Отдав сыну икону, старик взял со стола горбушку заранее нарезанного хлеба и передал сыну.

Та же церемония повторилась со вторым сыном и третьим сыном, хотя он и не отходил прочь.

Женщины и дети подходили к старику и кланялись ему в ноги, приговаривая: «Про-

сти, батюшка!»

Каждая хозяйка брала с лавки целый каравай хлеба. Когда обряд благословения был окончен, старик отвесил всем общий поклон: «Простите и меня, грешного! Может кого и обидел, не без того, лихом не поминайте!»

Первым из дома пошёл старший сын с иконою и горбушкой хлеба, за ним жена его с целым караваем, за нею дети, за первой семьёй последовала другая.

Скоро большой дом, где постоянно раздавались шум, говор, смех, плач – опустел.

Грустно стало и старику. Он сел и облокотился на стол. Две крупные слезинки показались по его морщинистому лицу.

Аверьян Никитич Власов,
1899 г.

*(Материалы Этнографического
бюро кн. В.Н.Тенишева.*

Том 7, Часть 3.

С.247-250, 277-281.)

НИЩЕНСТВО

НИЩЕНСТВО – нищета, бедность, скудость, убожество, побирательство, сбор милостыни.

НИЩЕНСТВОВАТЬ – побираться, идти в мир, ходить с сумою, стоять под окнами, петь Лазаря.

В.И.Даль.

Материал о нищенстве второй половины XIX – начала XX веков берется в данную публикацию на том основании, что это явление затрагивало каждую крестьянскую семью нашего края.

Нищенство, как социаль-

ное явление, появляется на территории России в средние века. Во второй половине XIX века и начале XX веков из-за масштабных социально-экономических преобразований данное явление приобретает массовый характер и затрагивает все слои как городского, так и сельского населения. В народе по этому поводу сложилась поговорка: «От тюрьмы, да от сумы не зарекайся».

Практически полное отсутствие на селе благотворительных организаций, слабое медицинское обслуживание, эпидемии, пожары, неурожайные годы, малоземелье способствовали появлению всё большего количества людей оказывающихся за чертой бедности. Но необходимо отметить и тот факт, что общий экономический достаток и уровень массовой сельской культуры того времени был достаточно высокий.

Нищенство, приобретя массовый характер, явно указывало на то, что государство мало обращало внимания на острейшую социальную проблему, а с другой стороны являлось мощнейшим духовно-нравственным «чистилищем» для русского народа.

А.Ф.Каданцев, 2017 г.

Главными причинами, доводящими семью до нищеты, бывают:

- а) на первом плане стоит лень;
- б) продолжительная болезнь или смерть единственного работника в бедной и большой семье, состоящей из детей – малолетков;
- в) неспособность к труду при отсутствии родных, могущих дать пропитание (калеки, слепые, безногие, безрукие и т.д.);
- г) старость;
- д) пьянство;
- е) стремление улучшить

своё благосостояние (ряженные, мнимые, фальшивые нищие).

На моих глазах в с. Покровском, только из-за лени две семьи пришли в нищенство и теперь живут только подаянием. В д. Заручевье есть три крестьянина, занимающихся нищенством только из-за лени. Есть такие и в других деревнях.

В д.Шуклино есть две нищих вдовы – Тюфляиха и Панишна. После смерти мужей они остались в крайней бедности с малолетними детьми, и горькая необходимость принудила их идти по миру.

Нищие говорят, что на первых порах идти по миру и просить милостыню очень стыдно:

«Как прогнала меня невестка из-за стола после смерти сына, - говорит одна нищая старуха, - да пришла я в первую избу, так не помню, вода или земля подо мной была,

кажись, голову бы дала с себя лучше снять – вот до чего стыдно было! Языка не могла смять, чтобы попросить, и когда по корзинке догадались, зачем пришла, и спросили: «По миру что ли тётка?», так на великую силу ответила: «Да!», и сама разревелась».

В наших деревнях нищие ходят по домам, причём не просят милостыню под окном, а обязательно должны заходить в дом, иначе хозяин скажет: «Ишь какой барин! Леня в избу-то зайти, неси ещё ему на улицу!»

Нищий обыкновенно получает в каждом доме кусок ржаного хлеба, осенью к куску хлеба добавляют несколько штук картофеля, «повесмо» (маленький пучок льна), горсть шерсти, немного ржаной муки, яичко, ложку сметаны.

Большая часть нищих – «святоши». Войдя в дом, подолгу молятся, делая широкое

крестное знамение и поясные поклоны, произнося вслух «Иисусову» молитву: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас грешных». Потом с поклоном здороваются с хозяевами: «Здорово живёте!», а потом произносят тихим, скромным голосом: «Милостинку ради Христа».

Хозяин подаёт кусок хлеба. В сентябре и октябре нищие припрашивают: «Не сойдётся картофельки, мучки, ленку или шерсти», летом – «яичка не сойдётся ли».

Для кусков нищий имеет корзинку, для всего другого – особые мешки.

При уходе из дома нищие говорят: «Помяни, Господи, ваших родителей, дай вам, Господи, доброго здоровья. Помилуй вас, Господи, со всем домом, скотом – милым животом. Дай вам, Господи, не пропить, не происть, на-роди вам хлеба, Господи!» Затем идёт поклон в сторону

хозяев: «Спасибо, кормильцы!» - и уходит.

В воскресенье и заурядные праздники к куску хлеба прибавляется кусок ячменного пирога, а в пивные праздники во многих домах подаётся «белый пирог».

Если нищий попросит: «Нет ли, тётушка, похлёбки?», то в редком доме его не накормят обедом.

Неслыханная вещь, чтобы в каком доме отказали нищему в ночлеге и не накормили ужином.

О СЛЕПЫХ НИЩИХ

В летнее время по деревням ходят слепые нищие, по большей части парами, то есть два слепца и с ними три вожака – мальчика. Один мальчик ведёт слепых с обнажёнными головами по середине улицы, а два другие идут «по подоконью», один по одной, другой по другой стороне улицы

и протяжно и громко выкрикивают, постукивая палкою в окна: «Слепыи, убогим сотворите святую милостинку ради Христа!»

А слепые в это время, медленно идя вдоль улицы, гнусавым голосом тянут: «Ждали мы эту Пятницу, ждали наречённую всю зиму и лето, всю красну весну...» и т.д., или же распевают сказание про жизнь Алексея, человека Божия.

Мальчикам-вожакам из окошок подают куски хлеба, а они принимая, пищат: «Яичка не сойдётся ли слепым – убогим, тётушка!» Если яичка «не сойдётся», сказав «спасибо», мальчик бежит к следующей избе. А если получит яичко, кричит слепым через улицу: «Поминайте родителей!»

Слепцы останавливаются, прекращают пение «Пятницы» и, крестясь и кланяясь, запевают: «Да помянем, Господи, всех ваших родителей,

батюшку и матушку, ближних сродников; дай им, Господи, царство небесное, рай присветлый!» И идут дальше.

Одна нищая, довольно еще здоровая старуха, проходив по миру в Андогской волости две недели, принесла сыну 7 рублей 50 копеек. «Да, пооди, ещё себе на свечки утаила», - прибавил сын.

«МНИМЫЕ – РЯЖЕННЫЕ» НИЩИЕ

Есть богатые нищие, которые занимаются нищенством, как ремеслом. Один крестьянин д.Тарасова имеет хорошее хозяйство, два душевых надела земли, 10 десятин собственной земли, а зиму и осень занимается нищенством.

Калечения себя и детей с целью более успешного сбора здесь нет, но есть нищие, которые, будучи совершенно здоровыми, прикидываются

калеками на стороне, где их не знают. Подвизывают старым кушаком здоровую руку, хромают на здоровую ногу, двигаются медленно, охают, а иные разыгрывают роль Иванушки-дурачка, напуская на себя немного «приблужи».

Года два или три назад чистенько ходил у нас нищим по прозванию Олень. Это был мужчина лет 45, здоровый, краснорожий, толстый. Собирая подаяние, он волочил одну ногу, одну руку держал повисшею, как плеть, весь трясся, жаловался на головные боли, говорил, что его параличом разбило, и уверял всех, что гортань у него зарастает, говорил шёпотом и хрипло.

А у себя в деревне на праздники напивался пьяный, все болезни как рукой снимало: прекрасно отплясывал «русскую», очень ловко боролся, кричал громче всех, выпивал одним глотком стакан водки

и за 3-5 копеек с разбегу открывал лбом плотно закрытую дверь, добровольно давал драть себя по голой жопе, требуя 3 копейки за каждый удар розгами, просил бить его в лицо, получая пяточок за каждую плюху.

В с. Покровском есть старая девка, лет так 35, Палашка – «ступа». Здоровье Пелагеи соответствует данным ей прозвищем. Она ничего не делает, живёт тем, что торгует собой, да подаянием и «живёт лучше нас грешных», - завидуют бедняки.

Когда идёт за сбором, одевается в лохмотья, дочку берёт с собой и в дальних деревнях называется вдовой, имеющей пятерых детей, «мал – мала меньше». В праздники сама одевается не хуже других, а «дочку как куколку сдобляет».

Есть немало молодых женщин и старых баб, торгующих собой во время сбора подаяний. Молодой парень

д. Ждановской говорил: «Однажды пришла к нам нищая, да совсем молодая, красивая, пригожая, а наших никого не было дома, я был один. Ну, я к ней, она была согласна... Я дал ей потом целый каравай».

Есть нищие, знающие какое-нибудь ремесло: подшивают валенки, чинят сбрую, прядут, шьют, вышивают.

Другие занимаются разного рода ворожбой, привораживают девкам «милашку»; продают целебные травы и лечат ими; выводят наговорами клопов и тараканов; лечат скотинку; ворожат, чтоб не приходил по ночам умерший; помогают при бесплодии и т.д. За всё это получают плату и угощение.

ОТНОШЕНИЕ НАРОДА К НИЩИМ

У наших крестьян откуда-то почерпнуто и всюду распространено предание:

Когда Христос ходил по

земле, к нему однажды приступила нищая братия и просила «золотую гору», чтобы хватило этой горы нищей братии на веки – вечные. Но Христос сказал: «Не хватит вам, нищая братия, золотой горы на веки – вечные, потому что отнимут у вас её богатеи – богатые, князья да бояра, а лучше дам я вам своё имя Святое, оно прокормит вас веки – вечные и никто не отнимет его у вас». С тех пор и стала нищая братия просить «ради Христа».

Веря в истинность этого предания, народ глубоко убеждён, что просьба милостыни ради Христа священна, установлена и узаконена самим Христом, и всякому просящему ради Христа обязательно нужно подать, так как подавание принимает не тот здоровый и способный к труду бродяга, а сам Христос.

«Только и добра-то мы, грешные, делаем для Батюш-

ки Царя Небесного, что подаём милостинку», - говорят бабы.

Кроме того, в народе пришлось встретить много экземпляров рукописи [так называемые «подмётные письма» - авт.-сост.], свято хранимые крестьянами, содержащие в себе разные приметы на 12 Пятниц в году.

Это также сказания о страданиях Спасителя и 12 муках грешников в аду, которые показывал архангел Михаил Богородице. Одна из мук гласит:

Рече Богородица архангелу Михаилу: «Поведи меня к иной муке». И привеле ее он к другим мукам. Богородица спросила: «Сии люди за какие грехи мучатся?» «Сии суть люди за то мучатся, что милостыни нищим не подавали, вдов и сирот в дома не принимали, обижали людей и грабили...»

Эти рукописи народ ставит выше книг церковных и безусловно очень верит тому, что в них написано.

Предание о получении нищей братией имени Христова и картины о муках на том свете, осознание того, что любой из подающих может оказаться в роли просящего, в значительной степени усиливает народное «нищелюбие» и доброе сочувственное отношение к нищим.

В с.Покровском знаю одну женщину, жену мелкого торговца, которая слывёт в селе под именем самой скупой и жадной до денег бабы, которая, чтоб нажить лишнюю копейку – обмерит, обвесит, обсчитает, продаст гнилое за свежее. Но когда зашла речь о нищих, так эта баба сказала: «Да сохрани Господи, не подать нищему! Я лучше сама не доем, а нищему подам».

И действительно подаёт.

О РАСХОДАХ НА НИЩИХ

В среднем крестьянская семья отдаёт нищим в год 18 пудов ржаного хлеба [*пуд весит около 16 кг. – авт.-сост.*]. К этому надо прибавить усиленную раздачу милостыни в пивные и другие большие праздники, когда нищих ходит так много, что «дверь избы не закрывается, избы-то всю выстудят».

Расход увеличится, если принять во внимание подачки яйцами, картофелем, сметаной, мукой.

По словам нищих, в один день можно побывать в 100 и даже в 150 домах.

Крестьяне шутливо называют нищих «хлебопромышлен-

никами», а их корзину зовут «тальянкой». Вместо слов «пошёл по миру» говорят: «пошёл недоимку вышибать» - выражение очень меткое и характерное, оно указывает на тяжесть бремени [*прокорм нищих – авт.-сост.*], добровольно наложенного на себя крестьянами «ради Христова имени».

Нищенство, как социальное явление, было спасительное как для нищих, так и для деревенских жителей, делая их помыслы и поступки добрее, чище и безгреховнее.

Аверьян Никитич Власов,

1899 г.

(Материалы Этнографического

бюро кн. В.Н.Тенишева.

Том 7, Часть 3. С.360-365.)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Семья – начало всех начал, главный социальный институт, на котором держится любое общество и государство. В основном от семьи зависит качество будущих поколений: здоровье; отношение к труду, детям и старикам; законопослушание и духовные основы. В семье формируют-

ся у ребёнка все первичные понятия и навыки, происходит знакомство и осваивание окружающего пространства.

Надо низко поклониться тому человеку, который придумал и сделал первую зыбку с очепом. Тысячелетиями верно служила она всему русскому народу. Лежит «рёвуш-

первые обращённые к нему звуки: баю – баюшки – баю, не ложися на краю.

Через молоко матери познаются вкусовые ощущения и чувство сытости.

Делает малыш первые шаги и бабушка с приговором чиркает перед ним ножиком крестики на полу, разрезая невидимые пути на ногах ребёнка – иди смело карапуз.

Выросли молочные зубки и начинают меняться на настоящие,

ка» в зыбке, а бабушка укладывает различные предметы – обереги на пол под зыбку или под постельку – не болей Божье создание. У бати свои заботы: делает он маленькую соху мальчику, а если в семье девочка – прялочку, и подтыкает под матицу. Не понимая слов, младенец слышит

бвбушка и тут научит внука, как получить на всю жизнь крепкие белые зубы. Берёт малыш выпавший зубик, бросает его через левое плечо на печку и трижды просит:

«Мышка, мышка! На тебе зуб репяной, а дай мне костяной!»

Много житейских шишек

ждут несмышлёныша на деревенской улице. Утром отпустила мамка Кольку погулять. Выбежал за ворота – на улице тепло, солнышко светит, радостно на душе! А через улицу соседский козёл Борька пасётся. Решил приятное сделать соседу – рога погладить, да крутой характер у Борьки: орёт дурнинушкой в крапиве наш любитель животных. Ладно, не смертельно...Идёт дальше наш герой, а ребята в «чижа» играют. Напросился на игру, да правила нарушил. Накостыляла ребятня нашему Кольке, с рёвом бежит он мамке жаловаться. Мама выслушала жаркую обвинительную речь, надавала по пятой точке и в угол поставила – не ябедничай! Сложны и трудны уличные университеты, но никого не минует чаша сия.

Но всё же основные жизненные правила, знания, умения, навыки раньше формировались в семье, и прежде

всего установка: что такое хорошо и что такое плохо.

Главным богатством любой семьи являются дети. Они во многом скрепляют, цементируют устои семьи. Российская семья во все времена была многодетной. Сейчас, к большому сожалению, нам сумели навязать модель семьи с одним ребёнком. Весь социально-экономический уклад последних десятилетий не способствовал появлению многодетных семей. Народ загнали в каменные скворечники и, проживая, скажем, на 30 этаже муравейника, вряд ли можно создать полноценную семью. Для этого, как минимум, необходимо определённое жизненное пространство.

Раньше главным житейским принципом была установка: делай так, как делали наши предки – и она работала. К любому новшеству, особенно если оно касалось семьи, от-

носились очень осторожно. Смена или привнесение новых установок, понятий, парадигм шли медленно и народ успевал адаптироваться или отвергал новизну.

Сегодня мы стали всеядны и принимаем всё подряд, не утруждая себя задуматься над тем, хорошо это или плохо. Вот несколько примеров:

Модное направление сегодняшнего дня – посещение церкви. И если раньше на службе стояла верующая духовная паства, то сегодня, в основной своей массе, это безликая толпа попрошаек, которая занимается духовным обезьянничеством.

Стали модными в семьях цветы, купленные на рынке или привезённые с дачи. Наибольший ажиотаж в покупке цветов происходит ежегодно к 8 марта. Но, если мы зайдём в избы крестьян XIX века, мы не увидим ни одного сорванного цветочка,

хотя домашних цветов было много. Не увидим мы и цветочных клумб в деревне. И в чем здесь проблема – это же красиво? Но давайте подумаем, что такое сорванный цветок или срубленная ёлка к Новому году. Однозначно – это объекты с мощнейшей отрицательной энергетикой – и зачем такое тащить в дом.

Несколько слов про современные обнимашки и поцелуйчики при встрече и расставании. Насмотрелись телевизора, где Хрущёв и Брежнев обнимают и целуют в засос при встрече всех, кто попадал им в лапы, усердствуют в этом плане и современные европейские чиновники. А мы чем хуже? И пошла писать губерния... А было ли всё это в нашей культуре? *[Поцелуй в засос – традиционное древнеримское приветствие родных, близких и друзей. Вводя этот обычай во второй половине*

XX века, идеологи СССР позиционировали страну, как наследницу Великой Империи – Третий Рим – ред.] Однозначно – нет. У русских вообще не приняты публичные эмоциональные проявления, это не приветствовалось и осуждалось. Этикет простого народа был скромн: краткое словесное приветствие, снятие шапки с головы, рукопожатие с лёгким наклоном головы – вот и всё.

На Руси не знали, что такое дни рождения и юбилеи. Отмечался день ангела, да и то не везде и далеко не всегда.

Работая со старожилками в экспедициях, мы знаем о том, что жители нашего района не знали такого праздника, как Новый год. В моём детстве ёлку устанавливали только в школе, и праздник отмечала только детвора.

Тем более не было в народном календаре таких новоделов, как праздник печки,

солёного огурца, рыжика, пилы, топора, горшка, коровы и козла. [*Эти праздники выглядят как попытка создания собственного Диснейленда – коммерчески успешного, но не имеющего к духовной и традиционной культуре никакого отношения – ред.]* Вся эта современная лабуда профанирует, искажает и разрушает великолепную, достойную восхищения, традиционную праздничную культуру русского народа.

Серьёзным испытаниям подвергается и вся бытовая культура семьи.

Очень хочется надеяться на то, что будущее России за селом. Народонаселение России всегда прирастало и сохранялось в сельской среде. Агрессивная городская среда с опасными экологическими проблемами не способна решить вопросы здоровья и рождаемости. Впереди очередной демографический кризис.

Исторический опыт говорит о том, что полноценное восполнение людских ресурсов, здоровые поколения воспитанных и талантливых людей всегда давали многодетные семьи наших деревень и сёл.

Да и всё многоцветье, огромное духовное и материальное наследие формировалось в основном не на городской мостовой, а в крестьянской среде. Просто мы его плохо знаем, и оно ещё не получило достойной оценки.

А.Ф.Каданцев, 2017 г.

Десять лет тому назад один сербский монах путешествовал по России и в одном селении вблизи Урала увидел потрясающую картину: парень и девушка стояли в пшенице и пели «Отче наш».

Удивленному монаху объяснили, что когда-то на этом месте стояла церковь и поэтому верующие русские здесь молятся.

Страшно и прекрасно одновременно. Страшно потому, что церковь разрушена. Прекрасно потому, что она на самом деле не разрушена: её русский человек переместил в своё сердце и память.

*Драшкович,
югославский писатель, XX в.*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редакции	2
ВСТУПЛЕНИЕ: Мой род – моя крепость	5
Родовой строй	16
• Родственные связи и отношения	19
• Обозначение родства	23
• Большак и большуха	25
Воспитание в крестьянской семье	28
Быт крестьянской семьи	37
• Опрятность	37
• Защита от холода	39
• Освещение	39
Деревенское застолье	41
• О правилах поведения за столом.....	45
Выдел и раздел крестьянских семей в конце XIX века.....	52
• О благословении перед выходом в новый дом при разделе.....	54
Нищенство	56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	65

